

МАКСИМЫ И МЫСЛИ

НАПОЛЕОН
БОНАПАРТ

Наполеон Бонапарт

**Максимы и мысли
узника Святой Елены**

Издательство «РИМИС»

УДК 82-84
ББК 83.3 (4Фр)

Бонапарт Н.

Максимы и мысли узника Святой Елены / Н. Бонапарт —
Издательство «РИМИС»,

Книга Лас Каза «Максимы и мысли» представляет собой сборник, содержащий 469 высказываний Наполеона, касающихся политической истории и современности, литературы, философии и т. д. Перед читателем – свободное течение мысли, не стесненное заранее обусловленной формой повествования и системой изложения. «Что же касается стиля, характера, тона высказываний, содержащихся в этой рукописи, то оные по самой природе своей таковы, что способны и самых недоверчивых убедить в том, что рукопись подлинна». В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 82-84
ББК 83.3 (4Фр)

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Максимы и мысли узника Святой Елены. Рукопись, найденная в бумагах Лас Каза

Издание осуществлено при финансовой поддержке Банка «Новый Символ»

MAXIMES ET PENSÉES
DU

PRISONNIER DE SAINTE—HÉLÈNE

MANUSCRIT
TROUVÉ DANS LES PAPIERS DE LAS CASAS

Paris
Chez L'Huillier, Libraire, rue Serpente, N 16
1820

Текст печатается по изданию: Максимы и мысли узника Св. Елены/пер. с фр. С. Н. Искюль. – Санкт-Петербург : ИНАПРЕСС, 1995.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Былые впечатления, кои теснятся в моей памяти, все еще потрясают душу. Приложите же руку к моему сердцу, и вы услышите, как оно бьется.

Mémorial de Sainte-Hélène

Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная.

А. С. Пушкин

В 1830 г., когда Париж был охвачен революцией и королевский режим, казалось, едва удерживал власть, Стендаль, проживавший тогда на улице Ришелье, записывал свои впечатления от увиденного и услышанного на полях потрепанной книги. Этот, не раз прочитанный им том он сделал со временем любимым чтением своего героя: Жюльен Сорель из романа «Красное и черное» весьма дорожил им и никогда не расставался с этой книгой, которая называлась «Мемориал Святой Елены».

Впервые книга вышла в свет спустя семь лет после падения Наполеона, в 1823—1824 гг.; она принадлежала перу добровольно последовавшего за Наполеоном в его изгнание на остров Св. Елены графа де Лас Каза¹. Вслед за первым изданием последовали другие. Книга неоднократно переиздавалась и переиздается до настоящего времени, как по-французски, так и в переводах на иностранные языки. Феноменальный успех «Мемориала» – одного из «евангелий»², составляющих Библию приверженцев Наполеона и его почитателей, – объясняется тем, что к началу 20-х гг. XIX в. негодование, которое вызывало в эпоху Реставрации одно лишь упоминание имени Наполеона, сменилось иными умонастроениями и иными чувствами. Одинокая смерть в душливой атмосфере скалистого острова посреди Атлантического океана произвела сильное впечатление на общество и пробудила воспоминания о блеске былых побед и величии Первой империи.

В 1814 г., когда Империя рушилась, различные течения антинаполеоновской оппозиции (роялисты, либералы и пр.) объединились против Наполеона и поддержали Реставрацию Бурбонов, оправдав тем самым иноземное вторжение. Тогда, в 1814 г., казалось, сама необузданность страстей породила крайнее ожесточение и ненависть к поверженному режиму. Однако взрыв недовольства и негодования, вызванный тяготами рекрутских наборов, военными поражениями, налоговым бременем, следствиями Континентальной блокады, вскоре утих; на смену ему пришло усталое безразличие, граничившее поначалу с полным забвением прошлого величия и славы³. После «Стадией» вряд ли кто мог предполагать, что через несколько лет развенчанный и втоптаный в грязь образ Императора вновь захватит умы.

Историки согласны с тем, что в возникновении и распространении во Франции наполеоновской легенды огромную роль сыграла книга Лас Каза «Мемориал Святой Елены», но

¹ Las Cases, Aug. Em. D. Comte de. Le Mémorial de Sainte-Hélène, ou Journal où se trouve consigné, jour par jour, ce qu'a dit et fait Napoléon durant dix-huit mois. Vol. 1 —8. Paris, l'Auteur. 1823-1824.

² Napoléon à Sainte-Hélène, par les quatre évangélistes Las Cases, Montholon, Gourgaud, Bertrand. Textes choisis, préfacés et commentés par J. Tulard. P. 1981. Выражение «евангелие» применительно к сочинениям близких Наполеону людей на острове Св. Елены впервые было употреблено Г. Рейне в сочинении «Идеи. Книга Ле Еран», которое поэт написал в 1826 г. и где он называет евангелиями книгу Лас Каза, а также воспоминания врачей Наполеона – ирландца О'Мира и корсиканца Антомарки.

³ Глубокий знаток наполеоновской эпопеи А. Моруа писал о тлевших под внешним безразличием ностальгических чувствах, обуревавших молодых людей постнаполеоновского общества, и о «болезни века» – полосе самоубийств среди мыслящих людей, в какой-то момент узревших перед собой мир, лишенный былой притягательной силы и для многих лишенный надежды (Моруа А. Шестьдесят лет моей литературной жизни. М. 1977. С. 140, 274).

при этом, как правило, не упоминают о том, что этот успех в значительной мере был предопределен многочисленными публикациями различных сочинений, в той или иной степени посвященных пребыванию Императора на острове Св. Елены⁴. Многие из того, что связано с написанием и опубликованием «Мемориала» Лас Каза, известно, и, казалось бы, нет особой нужды вновь обращаться к истории создания этого важнейшего памятника наполеоновской эпохи. Благодаря исследованиям французских историков Ж. Тюлара и Ф. Боннара, пристально занимавшихся источниками наполеоновской легенды, историей «Мемориала» и сочинениями других членов свиты Наполеона на острове Св. Елены, установлен не только максимально полный корпус наполеоновских сочинений, написанных в разные годы и разными людьми под диктовку Императора, но и, что весьма важно, выявлены все те публикации, которыми пользовался Наполеон и члены его свиты, а также последовательность доставки Наполеону необходимых источников, пополнявших его библиотеку в Лонгвуде⁵.

Историки изучали возникновение и развитие так называемой наполеоновской легенды во Франции после Первой реставрации Бурбонов, неизбежно касаясь при этом «Мемориала Святой Елены» Лас Каза⁶, изучали влияние сочинения Лас Каза на литературу французского романтизма и европейскую литературу XIX в.⁷ Однако те, кто в той или иной степени обращался к истории создания «Мемориала», его тексту и источникам, а также к биографии автора, не останавливали своего внимания на книге, которая была выпущена в Париже за год до смерти Наполеона и которая имеет самое прямое отношение к «Мемориалу Святой Елены» и к самому Лас Казу. Речь идет о книге под названием «Максимумы и мысли узника Святой Елены. Рукопись, найденная в бумагах Лас Каза. Перевод с английского»⁸. В многочисленных переизданиях «Мемориала Св. Елены» комментаторы либо обходили полным молчанием эту книгу⁹, либо безоговорочно называли ее «приписанной» Лас Казу¹⁰. Историки эпохи Второй реставрации Бурбонов во Франции, исследователи либерального движения и истоков оживления наполеоновской легенды также не обратили внимания на эту книгу¹¹.

Предположение о том, что французский издатель намеренно назвал «Максимумы и мысли узника Святой Елены» переводом, дабы обезопасить себя от цензурных придирок и полицейского преследования, должно быть сразу же отвергнуто, т. к. и в самом деле книга является переводом с первого издания, вышедшего в Лондоне в том же 1820 г.¹² Другое дело, что, соб-

⁴ Campagne de 1815, écrite à Sainte-Hélène par le général Gourgaud. Paris. Mongie. 1818; Le manuscrit de l'île d'Elbe, ou Des Bourbons en 1815, publié par le comte⁺⁺⁺. London. Didgway. 1818; Documents particuliers en forme des lettres sur Napoléon Bonaparte, d'après des données fournies par Napoléon lui-même, et par de personnes qui ont vécu dans son intimité. Paris. Plancher. 1819; Mémoires pour servir à l'histoire de France en 1815. Paris. Barrois aîné. 1820; Raisons dictées en réponse à la question si l'ouvrage intitulé «Manuscrit de Sainte-Hélène» est l'ouvrage de Napoléon ou non. London. Philipps. 1820.

⁵ Gonnard Ph. Les origines de la légende napoléonienne. Paris. 1906; Gonnard Ph. La légende napoléonienne et la presse libérale (1817—1820) // Revue des études napoléoniennes. T. 1, pars 1912. P. 235—258; Gonnard Ph. Sainte-Hélène (Les sources, les travaux, ce qui reste à faire) // Ibidem. T. 2, juillet-décembre 1912. P. 132—151. Первое упомянутое здесь исследование Ф. Боннара послужило одним из основных источников для обобщающей статьи А. Собыля «Берой, легенда и история» (Французский ежегодник. 1969. М. 1971. С. 233—254).

⁶ Lucas-Dubreton J. Le culte de Napoléon, 1814—1848. Paris. 1960.

⁷ Dechamps J. Sur la légende napoléonienne. Paris. 1931; Descotes M. La légende de Napoléon et les écrivains français du XIXe siècle. Paris. 1967.

⁸ Maximes et pensées du prisonnier de Sainte-Hélène. Manuscrit trouvé dans les papiers de Las Cases, traduit de l'anglais. Paris, chez L'huillier, Libraire, rue Serpente, № 16. 1820.

⁹ Tulard J. Le Mémorial, chef-d'oeuvre de propagande // Las Cases. Mémorial Sainte-Hélène. Paris. 1968; Napoléon à Sainte-Hélène. Paris. 1981.

¹⁰ Fugier A. Introduction // Las Cases. Mémorial de Sainte-Hélène. T. 1. Paris. 1961. P. XXVIII.

¹¹ Справедливости ради следует отметить, что Ф. Роннар все же поместил указание на «Максимумы и мысли» в своей книге, но в перечне изданий, подлинность которых вызывает сомнение. Однако историк ограничился только этим и в самом исследовании даже не упомянул об этой публикации (Gonnard Ph. Op. cit. P. 381—382).

¹² A manuscript found in the portfolio of the Las Cases, containing maxims and observations of Napoléon, collected during the last two years of his residence at St. Helena. Translated from the French. London, printed for A. Black. 1820.

ственно говоря, именно этот прецедент, видимо, и позволил французскому издателю опубликовать «Максимумы и мысли», несмотря на жесткие цензурные препятствия взглядам на Наполеона, не совпадавшим с официальной точкой зрения. В прошлом на подобные сочинения налагался безусловный запрет, как, например, в случае с «Рукописью, присланной со Святой Елены...»¹³, и хотя в 1820 г. ситуация была иной, имя Наполеона оставалось в известной степени одиозным, и не иначе как поэтому французский издатель везде заменил его нейтральным, но весьма «прозрачным» псевдонимом „узник Святой Елены“ и перед текстом высказываний, где в английском оригинале стояло «Максимумы Наполеона», поставил «Максимумы и мысли узника Святой Елены». Заметим кстати, что в «Максимумы и мыслях» некоторые имена зашифрованы отточиями либо криптонимами. Для современников скрытые имена были очевидны, но издатели знали, что раскрытие отдельных имен могло быть чревато неприятностями, ибо некоторые упоминаемые в книге лица к моменту ее издания еще занимали высокие государственные посты...

Обратимся теперь к биографии графа де Лас Каза, автора «Мемориала Святой Елены», чье имя значится и на титульном листе публикуемого нами сочинения.

Эммануэль Огюст Дьедонне Мариус Жозеф маркиз де Лас Каз¹⁴ родился в 1766 г. в фамильном замке Лас Казов близ Ревеля и Кастра в департаменте Верхняя Гаронна. Эммануэль де Лас Каз принадлежал к древнему аристократическому роду, который, как гласит предание, вел свое начало от доблестного рыцаря, отличившегося в конце XI века в войне с маврами и осыпанного милостями своим сюзереном графом Анри Бургунским.¹⁵

Поначалу Лас Каз, которому прочили карьеру военного, поступил в Вандомскую военную школу, затем в 1780 г. – в Парижскую военную школу, куда четыре года спустя поступил Наполеон. Став морским офицером, Лас Каз принял участие в англо-американской войне, в осаде Гибралтара в 1782—1783 гг., в крейсировании американского побережья и французских колониальных владений. На острове Мартиника он познакомился с баронессой де Таше и ее племянницей виконтессой Жозефиной де Богарне, что в дальнейшем сыграло немаловажную роль в судьбе Лас Каза.

Пылкий роялист, Лас Каз встретил революцию враждебно. В 1791 г. он эмигрировал и присоединился к армии принца де Конде. После поражения роялистов

Лас Каз вынужден был бежать в Англию, где прожил несколько лет, перебиваясь случайными заработками. Годы нищеты и лишений были полны упорного труда. В 1799 г. Лас Казу удалось издать «Исторический и географический атлас», над которым он долго работал и который имел большой успех¹⁶.

В 1802 г. Лас Каз возвращается во Францию, воспользовавшись существенным послаблением мер, принятых против эмигрантов. Он ведет нелегкую жизнь, поселившись в антресолях дома номер 6 по улице Сен-Флорантэн в Париже. Оттуда, в надежде добиться благосклонного внимания со стороны Императора французов, Лас Каз направляет Наполеону свой «Атлас». Однако милости всемогущего Императора заставляли себя ждать, тем временем Лас Каз пишет письмо Императрице Жозефине, которая, получив письмо, припомнила о встречах с молодым морским офицером на Мартинике и оказала ему протекцию. В 1806 г. маркиз де Лас Каз был

¹³ Manuscrit venu de Saint-Hélène d'une manière inconnu. London. J. Murray. 1817. Это издание неоднократно переиздавалось (первый раз сразу после лондонского издания в Брюсселе); оно приписывалось Б. Констану, Э. Ж. Сийесу, Ж. де Сталь. Каталог анонимных сочинений А. Барбье называет автором сочинения женеваца Жакоба Люллена де Шатовье. Наполеон был знаком с этой книгой и выступил с ее опровержением.

¹⁴ См. содержательный очерк о жизни Лас Каза до его поступления на службу к Наполеону: Reinach Fonssemagne H. de Las Cases // Revue des questions historiques. Т. 45. Paris. 1911. P. 56-84, 459-484.

¹⁵ По семейному преданию, этому рыцарю-знаменосцу графа Анри были пожалованы «todas las casas», т. е. все владения мавров, которые можно было обозреть с поля битвы (Mémoires d'Emmanuel-August-Dieudonné Comte de Las Casas. Bruxelles. 1818. P. 211.

¹⁶ Las Casas. Em. Aug. D. Atlas historique et géographique. Paris. An XII – 1804.

представлен ко двору. В 1808 г. Лас Каз был пожалован в бароны Империи, а через год его прикомандировывают к штабу корпуса маршала Бернадотта, где он находился с сентября 1809 г. по январь 1810 г.

21 декабря 1810 г. Лас Каз, благодаря поддержке Жозефины, назначается камергером, а 27 апреля 1810 г. – докладчиком в Государственном совете. В день рождения Наполеона (1810 г.) Лас Каз был пожалован в графы Империи. В 1810 – 1812 гг. Лас Каз выполнял ряд важных дипломатических и военных поручений в Голландии, Иллирии и на западном побережье Империи.

В 1814 г. Лас Каз отказался поставить свою подпись под актом Государственного совета, отрешавшим Наполеона от власти, и протестовал против помещения в одной из газет списка представителей дворянства, требовавших реставрации королевского режима (в этом списке значилась и фамилия Лас Каза). С возвращением Бурбонов Лас Каз оказался не у дел и уехал в Англию, но с воцарением Наполеона в 1815 г. он вновь возвращается в Париж, становится камергером и назначается государственным советником. После Ватерлоо, оставшись верным отрекшемуся Императору, Лас Каз просит у Наполеона разрешения сопровождать его в изгнание. «Если вы согласитесь выполнить мою просьбу, – сказал Лас Каз Наполеону, – мое самое горячее желание будет удовлетворено»¹⁷. Оставив семью – жену и детей (кроме старшего сына, которого взял с собой), – Лас Каз отправляется с Наполеоном в Рошфор, где вместе с преданными Наполеону генералами Савари и Лаллеманом ведет переговоры с командованием английских кораблей, стремясь получить разрешение на отъезд в Америку.

На острове Св. Елены, точнее уже на пути к нему, Лас Каз весьма быстро становится одним из самых доверенных лиц Наполеона. Он начинает вести записки, названные им впоследствии «Мемориал Святой Елены».

То обстоятельство, что Лас Каз далеко не сразу стал пользоваться влиянием при дворе Наполеона, не был честолюбив и оставался чужд придворных интриг, а также не принадлежал к политическим партиям, придает труду мемуариста изрядную долю объективности. В пользу Лас Каза говорит и то, что его отличало подробное знание императорского двора, и когда Наполеон называл ему то или иное лицо, говорил о том или ином событии, для Лас Каза слова Императора тотчас же облекались во вполне конкретные и осязаемые понятия. Но Лас Каз не просто переписывал разговоры Наполеона с окружавшими его людьми; одни слова и суждения Императора он передавал в изложении, другие цитировал дословно, «выхватывая» то, что, по его мнению, имело особую историческую значимость. Надо было обладать цепкой памятью и большой работоспособностью, чтобы после часовых бесед с Императором в уединении воспроизвести речь собеседника, не искажая ее. Лас Каз не только записывает мысли и суждения Императора, он пишет под диктовку отдельные фрагменты его мемуаров, например изложение Итальянской кампании 1796 г. Для этого Лас Казу пришлось изобрести род стенографического письма – Наполеон, как известно, диктовал быстро, не заботясь при этом, поспевают ли за ним секретари. Отредактированные листы записей разговоров с Императором и расшифрованные диктовки Наполеона Лас Каз отдавал вечером своему сыну или лакею Наполеона Али, которые переписывали их набело. Утром следующего дня Лас Каз передавал переписанное Наполеону, который просматривал, редактировал, вносил уточнения.

Насколько был точен мемуарист, когда он передавал разговоры Наполеона, мимоходом оброненные им фразы или монологи, прямой политический расчет которых порою весьма очевиден? Этот вопрос всегда волновал историков, в особенности тогда, когда еще не вышли в свет «Повествование об изгнании» Монтолона¹⁸, «Дневник» Гурго¹⁹ и «Памятные записки» Бертрана²⁰. Теперь уже

¹⁷ Las Casas. Mémoires... P. 1.

¹⁸ Montholon Ch. J. F. Récits de la captivité de l'Empereur Napoléon à Sainte-Hélène. Paris. 1847. Vol. 1—2.

невозможно сомневаться в подлинности слов, приписываемых Лас Казом Наполеону, ибо те же беседы возобновлялись, те же мысли возникали вновь и получали дальнейшее развитие на страницах записок других членов свиты Наполеона на острове Св. Елены.

Лас Каз пробыл на острове сравнительно недолго. В конце 1816 г., 30 декабря, он был выслан за попытку возобновить секретную переписку с рядом лиц в Европе, в частности, с принцем Люсьеном Бонапартом²¹. Речь шла о том, чтобы сделать достоянием европейского общественного мнения не только реальные обстоятельства, побудившие Наполеона на очевидный риск и вынудившие его отдать себя в руки англичан, но и многочисленные факты нарушения английскими властями собственных обязательств в отношении содержания Наполеона на острове, которые, как известно, в конечном счете способствовали ухудшению его здоровья²². Услуги, оказываемые Лас Казом Наполеону, заботы, которыми он его окружал, мемуары, над которыми трудился, письма, в которых писал о Наполеоне в выражениях, задевавших самолюбие британского губернатора на острове, – все это привело к тому, что Гудзон Лоу уведомил Лас Каза, что если тот и дальше будет писать в своих письмах о «генерале Бонапарте» в прежних выражениях и тоне, то будет удален с острова²³, и он выполнил свою угрозу, когда, то ли в результате измены слуги Лас Каза, то ли по иному стечению обстоятельств, в руки губернатора попали вышеупомянутые письма. 25 ноября 1816 г. двери комнат, где жил Лас Каз, были взломаны, все бумаги захвачены, а сам он заключен под стражу и вскоре выслан на мыс Доброй Надежды. В официальном уведомлении Лоу о депортации Лас Каза ему разрешалось взять с собой только те бумаги, которые не имели отношения к Наполеону, и ту часть корреспонденции, которая была просмотрена чиновниками английской администрации²⁴. Несмотря на горячие просьбы Лас Каза, бумаги, по распоряжению губернатора, были опечатаны до особого распоряжения британского правительства. Однако, как сообщает Лас Каз в «Мемориале», некоторые бумаги ему все же удалось сохранить, спрятав их на себе и среди вещей.

В течение восьми месяцев (до 20 июля 1817 г.) Лас Каз находился на мысе Доброй Надежды под надзором англичан, и затем тяжелобольным он был доставлен на английском судне, где с ним обращались как с пленником, в Лондон. Более трех месяцев длилось это путешествие. Наконец 15 ноября 1817 г. Лас Каз прибыл к берегам Темзы, но, когда он сошел на берег, полиция конфисковала все бумаги, даже не дав ему возможности составить их опись²⁵.

Беспокоясь о судьбе своих бумаг, Лас Каз дважды писал государственному секретарю Великобритании по делам колоний лорду Батусту; оба письма Лас Каза остались без ответа. В надежде, что ему будет, наконец, позволено составить опись своих бумаг, Лас Каз написал министру внутренних дел лорду Сидмуту, в чьем ведении и подчинении находилась полиция²⁶, но и это письмо осталось без ответа.

Из Англии Лас Каз был выслан на континент, в Остенде. Во Францию ему путь был закрыт, и, изгоняемый отовсюду, Лас Каз наконец смог найти себе убежище во Франкфурте

¹⁹ Gourgaud G. Sainte-Hélène. Journal inédite de 1815 à 1818. Paris. 1899. Vol. 1-2.

²⁰ Bertrand H. Gr. Cahiers de Sainte-Hélène. Journal du Grand Maréchal Bertrand. Paris. 1959.

²¹ Las Cases. Mémorial de Sainte-Hélène. Paris. 1968. P. 598-601.

²² «Европа ничего не знает об истинном нашем положении, – к такому выводу Лас Каз приходил при чтении английских и французских газет. – Вот и надобно сделать так, чтобы она узнала об этом. Ведь не проходит и дня, чтобы газеты не помещали всевозможные домыслы о нашем пребывании здесь, в этой тюрьме; бессовестные и несусветные выдумки, затрагивавшие честь близких нам людей, а посему именно нам надлежит прилагать усилия к тому, чтобы истина стала известна обществу, в таком случае она дошла бы и до государей, которым обо всем этом, быть может, ничего не известно, идо народов, симпатии коих были бы нашей опорой...» (Las Cases. Mémorial... P. 590).

²³ Las Cases. Mémoires... P. 48.

²⁴ Las Cases. Mémorial... Paris. 1968. P. 609.

²⁵ бумаги с о. Св. Елены. Следует предположить, что бумаги были возвращены Лас Казу на мысе Доброй Надежды, поскольку по пути в Англию корабль с Лас Казом на борту на о. Св. Елены не заходил.

²⁶ Las Cases. Mémorial... P. 642—644.

(декабрь 1817 г.), где ему разрешили поселиться имперские власти после обращения Лас Каза к австрийскому императору. 1817—1821 гг. он провел сначала во Франкфурте, затем в других городах Германии и Бельгии. В эти годы, оставаясь доверенным лицом Наполеона, Лас Каз был занят пересылкой на остров Св. Елены денег, а также книг, необходимых Наполеону для работы над воспоминаниями. В эти годы Лас Каз неоднократно писал в европейские столицы, в том числе Александру I, и крупнейшим дипломатам, заседавшим на Ахенском и Лайбахском конгрессах, обращая их внимание на то положение, в котором оказался Наполеон на Св. Елене подчрезмерной опекой британских властей²⁷. Лас Каз обращался с письмами и к Марии-Луизе, сохранившей за собой титул императрицы, пытаясь получить от нее поддержку и добиться смягчения положения ее мужа.

Все эти годы Лас Каз не забывал о своих бумагах и пытался получить их обратно. Однако его письма, в том числе и большое письмо к лорду Батусту и обращение к британскому парламенту²⁸, остались без ответа.

Кончина Наполеона вновь открыла Лас Казу дорогу во Францию. Вскоре, благодаря посредничеству одного из британских пэров, ему удалось получить назад свои бумаги и среди них рукопись, над которой он трудился на протяжении восемнадцати месяцев пребывания на острове Св. Елены. В 1823 г. Лас Каз начинает публиковать свой «Мемориал Святой Елены».

Что же касается рукописи, названной в английском ее издании «Максимы Наполеона», то с большой долей уверенности можно судить о том, что перед нами обладающий известной степенью достоверности источник, хотя и дошедший до нас в переводе на другой язык. Оставшаяся без пояснений фраза в предисловии издателя («Впоследствии мы имели случай удостовериться, что рукопись действительно принадлежала перу этого верного слуги») позволяет сделать вывод о том, что у самого издателя были сомнения в авторстве этого сочинения, но затем, по прошествии некоторого времени, были получены дополнительные сведения насчет подлинности рукописи и всякие сомнения относительно принадлежности ее перу Лас Каза отпали.

«Максимы и мысли» представляют собой сборник, содержащий 469 высказываний, касающихся политической истории и современности, литературы, философии и т. д. Высказывания не систематизированы, и определенная последовательность в их чередовании обнаруживается крайне редко – лишь иногда заметна связь между двумя рядом стоящими максимами, не более, – так, например, между высказываниями XC и XCI, между максимами CLVI и CLVII. Но это скорее исключение, нежели правило. Какой-либо хронологической последовательности в изложении событий, которые упоминает в своих высказываниях «узник Св. Елены», мы также не найдем; перед нами свободное течение мысли, не стесненное заранее обусловленной формой повествования и системой изложения. Вероятно, эти высказывания записывались день за днем по мере того, как появлялись, и в этом смысле близость между «Максимами и мыслями» и «Мемориалом Святой Елены» кажется более чем правдоподобной, ибо, как известно, и в «Мемориале» высказывания Наполеона, который, естественно, был всегда свободен в выборе предмета беседы, записывались Лас Казом по мере появления этих высказываний, за завтраком, на прогулке, во время отдыха и т. д. Ограничившись этими, самыми общими, наблюдениями, обратимся к содержанию книги и приведем некоторые из наполеоновских высказываний, сравним их с теми, что помещены в «Мемориале Святой Елены».

«Фридрих (Фридрих Великий – С. И.) взял на себя труд опровергать Макиавелли до своего восшествия на престол: он сделал бы лучше, если бы оправдывал его после своего воцарения. Этот Макиавелли писал лишь для мелодраматических тиранов» (ССССП). Обратившись к основному произведению Лас Каза, мы не найдем в нем ни одного высказывания Наполеона, касающегося знаменитого флорентийского гуманиста, тогда как в «Максимах и мыслях» их

²⁷ Ibid. P. 648-650, 663, 665-666, 685.

²⁸ Las Cases. Memorial... P. 650-61.

наберется еще пять. Но здесь весьма возможно предположение о том, что у Наполеона – редактора «Мемориала» были свои причины избегать упоминаний о Макиавелли: и роялисты, и либералы не раз обвиняли его в политическом макиавеллизме.

«Мир есть великая комедия, в которой на одного Мольера приходится с десятков Тартюфов» (CCV). В «Мемориале Святой Елены» Наполеон неоднократно высказывается о Мольере, причем Лас Каз сообщает, что Наполеон не раз читал «Тартюфа» после обеда в присутствии придворных и раз выразился об этой пьесе как о неподражаемом произведении великого писателя, но в то же время сказал, что не поколебался бы запретить постановку этой пьесы, если бы она была написана в начале XIX в., ибо некоторые сцены, по мнению Наполеона, весьма грешат против нравственности²⁹.

Обратимся к другим высказываниям Наполеона о древней и современной ему литературе.

В «Мемориале» зафиксированы слова Наполеона о Гомере. Это не удивительно, ибо на протяжении всей своей жизни он не раз перечитывал гомеровский эпос и даже брал Гомера с собой в походы, а когда у Наполеона возникла идея создания походной библиотеки, то в списке книг, составленном лично императором для своего библиотекаря Барбье, значились поэмы легендарного слепого певца. В своих творениях, – записывал Лас Каз слова Наполеона, – он был поэтом, оратором, историком, законодателем, географом и теологом; воистину, это – энциклопедист своей эпохи³⁰. В «Максимумы и мысли» Наполеону приписывается такой пассаж: «Если бы Илиада была написана нашим современником, никто не оценил бы ее» (XVIII), – или такое высказывание: «Почему Гомеру отдавали предпочтение все народы Азии? Потому что он описывал приснопамятную войну первейшего народа Европы против самого процветающего народа. Его поэма – едва ли не единственный памятник той далекой эпохи» (CCCLXXXVII). Едва ли приведенные высказывания противоречат одно другому, скорее наоборот – они взаимно дополняют друг друга.

10 ноября 1815 г. Лас Каз записал в «Мемориале», что Наполеон беседовал с жительницей острова мадам Стюарт об ее родине Шотландии и «много говорил об Оссиане»³¹. У Лас Каза больше не упоминается о легендарном шотландском поэте, волновавшем воображение и молодого Бонапарта, и Императора Наполеона, а в «Максимумы и мысли» Наполеону приписывается такое высказывание: «Я люблю стихи Оссиана, там много мысли, исполненной силы, энергии, глубины. Это – северный Гомер; поэт в полном смысле слова, поелику трогает душу и потрясает ее» (CCCXCII). Такое высказывание, хотя и не находит эквивалента в «Мемориале», вполне укладывается в череду литературных пристрастий Наполеона: известно, что том Оссиана был с Наполеоном на пути в Египет.

В записи от 1 июня 1816 г. «Мемориала» уделено много места суждениям Наполеона о Шатобриане, его отношении к религии и политическим убеждениям знаменитого французского писателя. «Во время катастрофы 1814 г. господин де Ш... прославился памфлетами, столь пылко-страстными, столь злобными и полными бесстыдной клеветы, что, надо полагать, теперь он сожалеет о них, и такой прекрасный талант уже не станет опускаться до того, чтобы делать сию клевету достоянием гласности»³².

В «Максимумы и мысли» мы обнаруживаем следующее: «Господин де Шатобриан почтил меня красноречивой, но отнюдь не справедливой филиппикой. Он много сделал для торжества королевского дела. Воистину, это – гениальный человек» (CCCXI). В последней фразе угады-

²⁹ Las Cases. Mémorial de Sainte-Hélène. P. 426.

³⁰ Fain, Agathon-Jean François. Mémoires du Baron Fain, premier secrétaire du cabinet de l'Empereur. Paris, 1908, p. 69—73. Las Cases. Mémorial de Sainte-Hélène. P. 426.

³¹ Las Cases. Mémorial de Sainte-Hélène. P. 93.

³² Las Cases. Mémorial de Sainte-Hélène. P. 304.

вается каламбур: Шатобриан в то время был известен в первую очередь как автор сочинения «Гений христианства».

Говоря о том, что «высокая трагедия... была школой великих людей», о том, что «трагедия воспламеняет душу, возвышает сердце, может и должна творить героев», Наполеон под пером Лас Каз в «Мемориале» высказывается о Корнеле: «В этом отношении Франция обязана Корнелю...; да, господа, если б он жил средь нас, я дал бы ему княжеский титул»³³. В «Максимах и мыслях» мы находим: «Если бы Корнель дожил до моего времени, я сделал бы его министром» (LII). Это уже не просто сходство, но весомый аргумент в пользу подлинности высказываний Наполеона, помещенных в «Максимах и мыслях».

Многие приписываемые Наполеону высказывания из «Максим и мыслей» касаются событий истории Франции и Европы периода Консульства и Империи, событий 1814 г., эпохи «Ста дней», политических последствий поражения в кампании 1815 г.

«Я нашел в Потсдаме шпагу великого Фридриха и его орденскую ленту; трофеи сии значили для меня куда больше, нежели те сто миллионов, которые Пруссия выплатила мне» (XI). Нечто сходное с приведенным высказыванием, касающимся событий 1806—1807 гг., мы обнаруживаем в «Мемориале»: «...Большие часы, нечто вроде будильника сего государя (Фридриха Великого – С. И.), увезенные на Святую Елену и поставленные на камин Императора, поспешность, с которой Наполеон бросился в Потсдаме к шпаге великого Фридриха, восклицая: «Пусть другие берут иную добычу, для меня же вот что дороже всех миллионов...», доказывают, как высоко ставил Император сего государя»³⁴.

К кампании 1806—1807 гг. относится и другое высказывание из «Максим и мыслей»: «Говорили, будто я оскорбил королеву Пруссии; вовсе нет. Я просто сказал ей: «Женщина, возвращайся к своей прялке и хозяйству». Мне не в чем себя упрекнуть, она сама признала свою ошибку. Я велел освободить ее фаворита Хатцфельда, не то его бы расстреляли» (VII). Подобной фразы в «Мемориале» мы не найдем, а факт освобождения прусского сановника из-под стражи представлен вне какой-либо связи с королевой Луизой Прусской, как великодушный жест императора в ответ на слезы отчаявшейся жены Хатцфельда³⁵. Однако подробности встреч Наполеона с прусской королевой во время тильзитских переговоров (в передаче Наполеона), его стремление постоянно держать дистанцию перед лицом унижительных, почти навязчивых ходатайств прусской королевы позволяют допустить возможность приведенного высказывания³⁶.

В «Максимах и мыслях» имеется суждение Наполеона, касающееся одного из важнейших учреждений Империи – Почетного Легиона: «Учреждая Почетный Легион, я объединил единым интересом все сословия нации. Это – установление, наделенное жизненной силой, которое надолго переживет мою систему» (CX). В «Мемориале Святой Елены» Лас Каз приводит такие слова Наполеона: «...Разнообразие рыцарских орденов и самое посвящение в рыцари было характерным для замкнутого сословного общества, тогда как единственное в своем роде пожалование в кавалеры ордена Почетного Легиона с его универсальностью, напротив, являло собою подлинное равенство. Одно поддерживало отчуждение среди различных сословий общества, тогда как другое должно было привести к сплочению граждан; и его влияние, его следствия... могли быть неисчислимыми: то был единый центр, всеобщая движущая сила самых различных честолюбивых устремлений...»³⁷

³³ Las Cases. Memorial de Sainte-Helene. P. 171, 583.

³⁴ Las Cases. Mémoires de Sainte-Hélène. P. 445.

³⁵ Ibid. P. 123.

³⁶ Ibid. P. 327-330.

³⁷ Las Cases. Mémoires de Sainte-Hélène, p. 245—246.

Можно, вероятно, привести и многие другие высказывания из «Максимум и мыслей», сопоставив их с соответствующими местами «Мемориала». К примеру, «Случай – вот единственный законный повелитель вселенной» (LXXX) и «Случай правит миром» (СХС) имеют прямую аналогию в «Мемориале»: «Случай, который правит миром»³⁸. Однако и так вполне очевидно, что между двумя сличаемыми источниками обнаруживается вполне отчетливое сходство. Кроме того, фактическая сторона «Максимум и мыслей» уже отчасти говорит в пользу подлинности помещенных в этой книге высказываний императора. Разумеется, если бы обнаружилось возможно большее число текстуальных аналогий в обоих из сочинений, то это явилось бы самым весомым подтверждением версии о том, что французский оригинал рукописи, опубликованной в 1820 г. по-английски, принадлежал перу Лас Каза. Но и так, вероятно, решительные сомнения в подлинности высказываний Наполеона едва ли могут возникнуть, ведь в противном случае высказывания «узника Св. Елены» должны были быть непременно весьма разоблачительными для Наполеона, как то не раз бывало в большинстве публикаций эпохи Реставрации.

Возникает вопрос, почему Лас Каз после британского «карантина» так и не вспомнил о «Максимум и мыслях» и в 1823—1824 гг., издавая свой «Мемориал», не издал вместе с ним помещенные там высказывания Наполеона. Лас Каз, вероятно, знал как об английском, так и о французском изданиях книги, но рукопись ее ему возвращена не была. Следует поэтому предположить, что у Лас Каза не возникло желания опубликовать в дополнение к своему «Мемориалу» высказывания Наполеона по парижскому изданию (двойной перевод) или в новом переводе на французский язык по первому английскому изданию. вполне возможно, что Лас Каз не захотел воспользоваться изданием «Максимум и мыслей», ибо понимал, и сами переводчики не скрывали этого, что перевод 1820 г. не может быть признан безупречным. Если бы он намерился издавать новый перевод по английскому изданию, то и в этом случае перевод не намного приблизился бы к оригиналу, как всякий двойной перевод. В этой связи возникает лишь один вопрос, почему Лас Каз ни в предисловии, ни в заключительных частях «Мемориала» так и не упомянул о существовании своей рукописи и о том, как поступили с нею англичане. В мемуарной записке, опубликованной в 1818 г., Лас Каз перечислил все принадлежавшие ему перу сочинения, особо указав на систематически писавшийся им дневник, куда вошло все, что говорил Наполеон публично или приватно Лас Казу на Святой Елене. «Этот дневник еще находится в руках английских властей», – указывал Лас Каз, но он ни словом не обмолвился о том, что спустя два года появилось под названием «Рукопись, найденная в портфеле Лас Каза»³⁹.

³⁸ Ibid. P. 586.

³⁹ Las Casas Comte de. Memoires... P. 60–2.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.